

Белоногов Юрий Геннадьевич

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ КАК ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ ВО ВНУТРИЭЛИТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ 1950-Х – 1960-Х ГОДОВ

В статье рассматриваются теоретические и конкретно-исторические аспекты генезиса территориальных групп интересов в советской правящей элите на фоне развернувшихся в 1950-е – 1960-е годы внутриэлитных политических конфликтов. Автор усматривает в динамике превращения регионального партийного руководства во влиятельную группу интересов три этапа, которые выделяются на основе изменений внутривнутриполитического курса руководства страны в отношении института региональной номенклатуры. Формирование территориальных групп интересов рассматривается в контексте разрешения конфликтов по линиям "Центр – регионы", "элита – массы", "партийная, советская ветви – хозяйственная ветвь номенклатуры".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/2-1/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. I. С. 20-26. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

LAWS OF EPICAL HERO IMAGE REPRESENTATION IN RUSSIAN ANIMATION OF THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY

Aksin'ya Viktorovna Bekisheva

Department of Culture, Arts and Design Theory and History

Trans-Baikal State University

a_bekisheva@mail.ru

The author undertakes an attempt of the structural-functional and axiological analyses of epical hero image representation in the modern Russian animation, solves a problem of the transformation of image content in the artistic culture of Russia at the beginning of the XXIst century, reveals the laws of epical hero image manifestation in animated films, mentions that image can act as a cultural value, semiotic system, simulacrum, the means of communication, for the first time in the study of this problem reveals the functions of image, and theoretically conceptualizes the laws of its manifestations in modern animation.

Key words and phrases: epical hero image; Russian animation of the beginning of the XXIst century; laws of manifestation; structural-functional and axiological analyses; simulacrum; semiotic system; cultural value.

УДК 323.396(47+57)

Политология

В статье рассматриваются теоретические и конкретно-исторические аспекты генезиса территориальных групп интересов в советской правящей элите на фоне развернувшихся в 1950-е – 1960-е годы внутриэлитных политических конфликтов. Автор усматривает в динамике превращения регионального партийного руководства во влиятельную группу интересов три этапа, которые выделяются на основе изменений внутривнутриполитического курса руководства страны в отношении института региональной номенклатуры. Формирование территориальных групп интересов рассматривается в контексте разрешения конфликтов по линиям «Центр – регионы», «элита – массы», «партийная, советская ветви – хозяйственная ветвь номенклатуры».

Ключевые слова и фразы: группы интересов; внутриэлитные конфликты; региональная элита; внутрисистемный переходный период; «административно-бюрократический рынок»; «партийное государство»; номенклатурная организация власти.

Юрий Геннадьевич Белоногов, к. полит. н.

Кафедра государственного управления и истории

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

ugb@dom.raid.ru, ugb78@mail.ru

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ КАК ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ ВО ВНУТРИЭЛИТНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТАХ 1950-Х – 1960-Х ГОДОВ[©]

Вслед за западной советологией, в рамках российской исторической и политической науки еще в первой половине 1990-х годов был поставлен серьезный вопрос о движущих силах, характере и механизме внутриполитических изменений в СССР [20, с. 3]. Последующая разработка данной проблематики поставила под сомнение некоторые положения концепта тоталитаризма и временные границы его применимости для анализа политического режима в СССР [17]. Однако и в наши дни исследование природы политических изменений в СССР является актуальной научной проблемой. В целом современными исследователями признается, что трансформация советского политического режима неразрывно связана с активизацией деятельности институционализированных, бюрократически ориентированных групп интересов: «С середины 1950-х годов либерализация политического режима изменила положение групп интересов в процессах выработки и принятия политических решений... Роль и значение данных групп по отношению к высшим органам партийно-государственной власти постоянно возрастали» [18, с. 89]. В то же время постсоветский вектор историографии проблемы деятельности региональной элиты как группы интересов связывается в основном с изучением механизма лоббирования территориальных групп интересов в высших эшелонах политико-административной и экономической власти в рамках подготовки и реализации определенных проектов.

В данной работе автор сконцентрируется на изучении конкретно-исторических реалий генезиса региональной элиты как специфической группы интересов. Такая постановка научной проблемы предполагает, что при тоталитарном политическом режиме роль региональных интересов объективно сводилась к минимуму, поскольку центральная власть смогла почти полностью подчинить их себе.

Во-первых, это объяснялось сложившейся в 1930-е гг. системой экономических и, соответственно, политических отношений, в которой региональной номенклатуре была предназначена в основном функция

транслятора и исполнителя диктуемой воли центральной элиты. Правда, в постсоветской историографии, посвященной проблеме управления советской экономикой 1930-х годов, предпринимаются одиночные попытки некоторого пересмотра этой точки зрения. Так, П. Грегори, Е. Белова, В. Лазарев, аргументируя тезис о заметно большей роли регионального руководства в системе формирования экономического курса, пишут, что «под воздействием исходивших (*от региональных властей – Ю. Б.*) сигналов, давления снизу центральные органы принимали решения, расширяющие рамки самостоятельности хозяйственных агентов и ослабляющие напряжение в системе» [5, с. 123]. Однако данное исследование ограничивается только сферой составления плановых заданий и не учитывает внеэкономические факторы, влиявшие на отношения союзного и регионального руководства.

Во-вторых, в арсенале методов внеэкономического воздействия у высшего руководства страны была фактическая монополия на инициирование государственного террора. С помощью систематически проводившихся репрессивных кампаний в отношении кадров номенклатуры (особенно на базовом – региональном – уровне) центральная власть подавляла появляющиеся субэлитные образования. Так, для упрочения своих позиций в высших партийных кругах еще в 1947 г. секретарь ЦК ВКП(б), ранее занимавший должность первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), А. А. Кузнецов и тогдашний председатель Государственной плановой комиссии при Совете Министров СССР (*предыдущее название Госплана СССР – Ю. Б.*) Н. А. Вознесенский выступили с инициативой создать Бюро ЦК ВКП(б) по РСФСР для укрепления связей с местными партийными работниками. По мнению М. Реймана, фактически речь шла о создании партийной инстанции, которая должна была представлять в системе советской власти специфические «российские», региональные интересы [21, с. 35-36]. Данная идея сыграет не последнюю роль в гибели своих создателей (*оба осуждены и приговорены к высшей мере наказания по так называемому «Ленинградскому делу» 1949-1950 гг. – Ю. Б.*) и будет реализована только в «хрущевский» период.

По нашему мнению, процесс генезиса региональных групп интересов перейдет из латентной в активную фазу уже в постсталинский период и будет связан с двумя взаимозависимыми процессами: постепенным формированием принципиально новой модели экономических отношений («административно-бюрократического рынка») и развернувшейся между преемниками И. В. Сталина политической борьбой за власть.

В 1950-е гг. мировая экономика начинает вступать в качественно новый этап своего развития. На первый план постепенно выходит процесс развертывания НТР и создания научно-индустриального технологического способа производства. Часть специалистов отмечает экономическую неэффективность и структурную несостоятельность в условиях НТР сложившейся «административно-командной» модели управления экономикой [12, с. 172; 13, с. 19].

Прежде всего, это связывается с начавшейся в 1950-е годы сменой технологического уклада общественного производства, под которым понимается совокупность применяющихся во всем народном хозяйстве технологий. Для «административно-командной» модели были характерны доминирование крупномасштабных технологий, облегченная (упрощенная) процедура планового управления, которая, в свою очередь, требовала всеобщей стандартизации. На смену постепенно приходит гораздо более сложный уклад, характеризующийся созданием единого народнохозяйственного комплекса с дисперсными технологиями, требующими много, организационно более сложного, алгоритма планирования. На основе данного технологического уклада формируется новая модель экономики – модель «административно-бюрократического рынка».

Интересы НТР объективно требовали некоторой либерализации социально-экономических отношений и большего раскрепощения личности: для успешного осуществления НТР требовались работники нового типа, которые могли появиться только при условии подъема материального благосостояния, широкого развития социальной сферы [23, с. 147].

Формирование «экономики согласований» способствовало слому сложившейся при «административно-командной» системе вертикали подчинения и директивным методам управления: отныне распоряжения центра не являлись столь категоричными императивами для местного руководства [15, с. 53-54; 16, с. 7]. В новой, более сложной модели экономических взаимоотношений постепенно все большее значение приобретают средние (региональные) эшелоны управления в лице руководства республик, краев, областей, что было связано с близостью к производству. Причем у этого, отныне важного, участника «административно-бюрократического рынка» артикулировались свои специфические экономические интересы, не всегда совпадавшие с интересами Центра.

Смена моделей экономической системы повлекла за собой изменения в политических отношениях. «Административно-командной» модели экономических отношений соответствовал «приспособленный к преодолению особых чрезвычайных проблем» политический режим, который «находил свое оправдание в условиях форсированной индустриализации и войны» [4, с. 46]. Соответственно, главной особенностью этой системы являлась максимальная централизация политико-административной и экономической власти в руках высшего руководства страны. Формирование на основе «административно-бюрократического рынка» политической модели «партийного государства» предполагало отказ от излишней централизации процесса управления, передачу (прежде всего, по партийной линии) части властных полномочий Центра на места, упорядочение властных институтов, опиравшихся на поддержку наиболее влиятельных социальных слоев (о признаках «партийного государства» см. в работах О. Л. Лейбовича и В. П. Мохова) [12, с. 105-106, 121; 14, с. 75-95]. Одновременно трансформация экономической системы способствовала

усилению значимости в структуре власти клановых структур, формировавшихся по отраслевому, территориальному, национальному признакам [1, с. 34].

Политическим отражением внутрисистемного переходного периода стала цепь развернувшихся внутри советской правящей элиты конфликтов, в рамках которых постепенно меняется субъект конфликтных отношений. Для реалий сталинского периода современные исследователи к таковому относят высшие номенклатурные кланы, связанные лишь отношениями клиентелы с региональным руководством [6; 7; 20; 21]. Применительно к периоду второй половины 1950-х – 1960-х годов в качестве основного субъекта внутриэлитных конфликтов выступают уже бюрократически ориентированные группы интересов, отражавшие интересы партийного, советского, хозяйственного аппарата как специфических властных институтов советского общества (подробней о теоретических особенностях функционирования групп интересов в советской элите см. в работе А. В. Павроза) [18, с. 66-95].

С одной стороны, это объясняется значительным расширением состава участников политических конфликтов. Начавшись среди высшего союзного руководства, внутриэлитная борьба впоследствии стала и средством разрешения накопившихся противоречий на уровне регионов. Исход развернувшихся политических баталий во многом стал зависеть и от поддержки политических лидеров со стороны региональной элиты, которая постепенно превращалась во влиятельную группу интересов.

С другой стороны, главным содержанием данной борьбы стало не только распределение ограниченных (в том числе и властных) ресурсов, но и выработка стратегии общественно-политического и экономического развития. Сформированные в ходе данных конфликтов новые «правила игры» закрепили несколько иную систему внутриэлитных статусов и взаимоотношений, а также стали основой функционирования новой модификации советской политической системы – модели «партийного государства».

По мнению автора, в динамике превращения регионального (прежде всего, партийного) руководства во влиятельную группу интересов следует выделить три этапа (1953-1957 гг., 1958-1964 гг., рубеж 1964-1965 гг. – рубеж 1960-х-1970-х гг.), для каждого из которых характерен свой состав участников.

Конкретно историческим поводом, спровоцировавшим усиление внутриэлитной борьбы за перераспределение властных ресурсов между влиятельными акторами советской политической системы, стала смерть И. В. Сталина. Развернувшиеся в период 1953-1957 гг. внутриэлитные баталии следует рассматривать не столько как межличностное соперничество самих претендентов – Л. П. Берия, Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева, сколько как столкновение артикулированных интересов поддерживающих их ветвей бюрократического аппарата в процессе выработки стратегии общественного развития. Победивший в этой борьбе Н. С. Хрущев как главный выразитель интересов именно партийной ветви властной «вертикали» был вынужден проводить мероприятия, способствовавшие в том числе и повышению номенклатурного статуса регионального политического руководства.

Содержанием первого этапа внутриэлитного конфликта групп интересов первоначально стала борьба за изменение соотношения статусных позиций между партийной и административно-хозяйственными ветвями советской номенклатуры, с одной стороны, и значительно укрепившимися в 1930-е гг. свое влияние в системе властных отношений карательными органами, с другой стороны. Поражение Л. П. Берия, реорганизация МГБ и последующее формирование новой системы властных отношений означали пересмотр не только на общесоюзном, но и на региональном уровне сложившихся в период «Большого террора» статусной иерархии и функциональных взаимоотношений региональных парткомов и карательных органов. Для партийных структур, функционировавших как органы политической администрации, это стало гарантией недопущения по отношению к ним практики «Большого террора».

Однако постепенно на первый план стало выходить конфликтное столкновение партийного и государственного аппаратов за лидерство в системе управления. Анализ проектов и практической деятельности Л. П. Берия, курировавшего в 1953 г. органы МВД и МГБ, позволил исследователям выявить их ярко выраженную «антипартийную» направленность, проявившуюся в стремлении «к расширению полномочий Совета Министров СССР и сужению роли партийного аппарата, сведение ее по преимуществу к кадровым вопросам и пропаганде» [20, с. 9]. Еще более радикальным оказался проект так называемой «антипартийной группы», состоявшей из значительной части членов Президиума ЦК КПСС, за которыми стоял аппарат руководимых ими министерств. Данный проект был составлен для Июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и предусматривал возможную ликвидацию должности первого секретаря ЦК КПСС, что потенциально было опасно для региональных партийных функционеров упразднением в будущем постов первых секретарей в республиках, краях, областях [Там же, с. 14].

Политическая борьба за власть проходила на фоне дискуссий о «сталинском наследии» и проводившихся в стране экономических реформ. В контексте борьбы аграрных проектов Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева («нэповского» и «индустриального») мы также можем проследить столкновение отраслевых и территориальных групп. «Курс Маленкова» импонировал руководителям предприятий перерабатывающей промышленности, вполне обоснованно рассчитывавшим на серьезные финансовые инвестиции, и аграриям-хозяйственникам, надеявшимся на освобождение от тотального партийного диктата в хозяйственных вопросах. «Индустриальный» вариант аграрных преобразований нашел поддержку не только у руководителей предприятий тяжелого машиностроения, ожидавших увеличения объемов заказов на сельскохозяйственную технику, но и партийной ветви региональной номенклатуры, вполне обоснованно рассчитывавшей на увеличение регионам ассигнований в данную отрасль народного хозяйства. Выводы о невозможности победы

в ядерной войне еще раньше отпугнули от Г. М. Маленкова советский генералитет и лоббистов значительно укрепившегося с 1930-х годов военно-промышленного комплекса. Поражение Г. М. Маленкова в борьбе за власть означало реализацию «хрущевского» варианта аграрных преобразований, поддержанного указанными выше группами интересов.

Во внутриэлитных баталиях 1953-1957 гг. региональное партийное руководство поддержало Н. С. Хрущева в обмен на гарантии стабильности и уверенности в будущем, которые не были возможны при И. В. Сталине. В этой связи интерес представляет работа К. В. Титова, который рассматривает доклад Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС (1956 г.) как проект «политического контракта», предложенного претендентом на верховную власть претендентам на роль правящего класса. На основе частотного анализа фрагментов доклада, соответствующих трем «линиям» выдвинутых против Сталина обвинений (нарушение принципа коллективного руководства в партии; массовые репрессии; присвоение себе заслуг в «деле социалистического строительства» и победе над фашизмом), исследователь доказывает, что в качестве «пострадавшей стороны» по первым двум позициям фигурировала именно партийно-государственная номенклатура. Ей и было адресовано «приглашение во власть» и даны гарантии неприкосновенности [22].

Однако на рубеже 1950-1960-х гг. политические завоевания партийно-государственной элиты были поставлены под сомнение проводимой Н. С. Хрущевым реформой системы управления. Вполне очевидна смена социально-политических приоритетов – от поддержки партийной и советской ветвей элиты к мероприятиям по значительному ограничению их влияния, пытаясь опереться при этом на иные группы в рамках номенклатурной системы организации власти.

Главным содержанием второго этапа (1958-1964 гг.) стал развернувшийся внутриэлитный конфликт между высшим руководством страны в лице Н. С. Хрущева и региональной номенклатурой в лице именно партийных руководителей республик, краев, областей. По нашему мнению, ключевым событием для понимания позиции Н. С. Хрущева стало занятие им с 1958 г. поста Председателя Совета Министров СССР, предопределившее производственный характер многих последующих мероприятий. Катализирующим фактором формирования конфликтных отношений стала предпринятая на рубеже 1950-1960-х гг. по инициативе лидера страны политическая реформа. Ее главной целью являлось ослабление влияния номенклатурной составляющей в региональной политико-административной элите. Данный интерес союзного Центра диктовался необходимостью преодоления негативных последствий сложившихся номенклатурных практик (чрезмерное сосредоточение властных ресурсов в руках мало сменяемых работников; существование сплоченных внутриэлитных кланов и клиентел, оказывавших значительное воздействие на коррекцию внутривластного курса Центра; низкая вертикальная мобильность внутри элиты и возрастное «засиживание» кадров со слабым управленческим потенциалом) и придания большего динамизма управленческой деятельности на базовом уровне советской властвующей элиты. Приоритетные интересы развития экономики страны все больше убеждали главу государства в мысли о том, что «делом должны командовать специалисты». При такой постановке проблемы повышение эффективности управления усматривалось в смене поколений руководителей и значительном омоложении кадрового состава региональной элиты [3, с. 24-25].

Третий этап внутрисистемного переходного периода характеризуется конфликтом интересов партийных и части хозяйственных структур относительно выработки стратегии экономической политики при достижении согласия по поводу сворачивания политических новаций Н. С. Хрущева. События второй половины 1960-х гг. стали началом реализации политики «сдиржированного консенсуса», которая отныне определяла характер внутриэлитных отношений. Данная политика предусматривала «невмешательство» Центра в права и полномочия региональных властей, если те, в свою очередь, соблюдали политическую лояльность.

Компромиссное разрешение накопившихся за прошедший период противоречий проявилось в проведении мероприятий, получивших названия «контрреформы», «партийная контрреформа», «политическая реакция» [8, с. 153-154]. В ноябре 1964 г. началось восстановление на основе территориального принципа единых органов власти. На XXIII съезде КПСС (1966 г.) из Устава партии были исключены положения, жестко регламентировавшие нормы сменяемости выборных партийных органов. Во второй половине 1960-х гг. отчетливо наблюдается сворачивание общественных начал в работе местного и регионального партийного и советского аппарата власти. Ликвидация системы совнархозов и восстановление отраслевых министерств, расширение (а с рубежа 1960-1970-х годов – и сужение) самостоятельности предприятий по отношению к центральным органам управления – все это проходило на фоне укрепления влияния регионального партийного руководства на местные политические и экономические процессы.

Данные меры были достигнуты посредством взаимных компромиссов интересов территориальных и отраслевых групп советской правящей элиты на всех ее уровнях. В процессе политической стабилизации окончательно сформировались качественные предпосылки для институционализации модели «партийного государства», что следует рассматривать как главный итог завершения политического конфликта.

Ранее автор исследовал один из аспектов развернувшейся внутриэлитной борьбы через призму кадровой политики Центра в отношении региональной номенклатуры. Данная работа подтвердила наличие этапов в динамике регулирования ЦК КПСС своей номенклатуры в региональной номенклатуре. Общим вектором изменений стало существенное сокращение кадрового представительства ЦК КПСС в номенклатуре регионального парткома. Так, за период 1953-1972 гг. численность номенклатуры ЦК КПСС в номенклатуре Молотовского (Пермского) обкома КПСС сократилась в 2,8 раза.

Наибольшие показатели снижения контроля ЦК КПСС за кадровыми назначениями в регионах приходится на первый выделенный период. За 1955-1956 гг. общая численность номенклатуры ЦК КПСС в региональной номенклатуре сократилась в 3,4 раза, а по учетно-контрольной номенклатуре – 4,4 раза. Расширение полномочий региональных партийных органов в решении кадровых вопросов являлось не только результатом целенаправленного давления региональных парткомов на ЦК КПСС сразу же после смерти И. В. Сталина, но и прагматичными соображениями партийного руководства страны. Следует провести причинно-следственные связи между усилением влияния региональных партийных органов и укреплением режима личной власти Н. С. Хрущева, поскольку в развернувшейся после смерти И. В. Сталина внутриэлитной борьбе за власть региональное партийное руководство активно выступило в поддержку политического курса главы партии [9, с. 116].

Только в условиях реализуемой Н. С. Хрущевым политической реформы, призванной ограничить влияние региональной элиты, фиксируется постепенный возврат ЦК КПСС утраченных позиций: за период 1958-1965 гг. численность номенклатуры ЦК КПСС в номенклатуре обкома КПСС увеличилась с 75 до 122 должностей, т.е. более чем в полтора раза. Однако вернуться к количественным показателям периода «позднего сталинизма» при Н. С. Хрущеве так и не удалось. На протяжении второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов численность должностей номенклатуры ЦК КПСС по Пермской области продолжала плавно снижаться (на 22.03.1966 численность номенклатуры ЦК КПСС в составе номенклатуры Пермского обкома КПСС составила 95 человек, на 31.03.1972 – 89, на 30.03.1977 – 92) [2].

Становление новой модификации политической системы произошло в условиях внутриэлитного конфликта, который разворачивался как минимум в трех «системах координат».

Во-первых, происходившая в результате политической борьбы за власть реструктуризация экономического и политического пространства четко обозначила артикулированные противоречия по вертикали номенклатурной организации власти. В ходе реформаторского курса были затронуты интересы групп на местном, региональном (областном и республиканском) и общесоюзном уровнях властной иерархии, что способствовало включению их в активную политическую борьбу. Региональное руководство, используя сложившиеся в рамках данного политического режима практики давления, стало активным защитником местных интересов в процессе их отстаивания перед Центром. Несмотря на существовавшие противоречия между основными группами внутри самой региональной элиты, тем не менее между ними отмечалась консолидированная общность позиций, основанная на неприятии политического курса Н. С. Хрущева.

Многие исследователи хронологически локализуют зарождение и становление региональных интересов второй половиной 1950-х годов, когда происходит частичное разделение властных полномочий между Центром и регионами в части распоряжения собственностью, которая формально считалась общенародной. Так, с точки зрения Н. Ю. Лапиной, конкретно-историческим поводом к формированию региональных интересов послужило создание в 1957 г. совнархозов, ставших институциональными основами для консолидации региональных номенклатур вокруг местных материальных ресурсов. Оформление частно-региональных интересов в особый вид интересов и противопоставление их интересам центральных элит получило политическое выражение в явлении местничества [10, с. 7]. Артикуляция частно-региональных интересов происходила под лозунгами решения общегосударственных задач и выполнения общеполитического курса, но при условии повышения политического статуса соответствующего региона перед лицом союзной власти. В целом именно в 1950-е годы сложились реальные предпосылки для появления тех сегментов элиты и соответствующих ей региональных сообществ, заинтересованных в разделении властных полномочий между Центром и регионами в части распоряжения собственностью, которая формально считалась общенародной.

Институциональное становление модели «партийного государства» было связано с разрешением конфликта по линии «Центр – регионы» с помощью номенклатурных практик «административно-бюрократического торга». В ходе внутриэлитных политических баталий 1950-х – 1960-х годов именно партийная ветвь региональной номенклатуры, консолидировавшись вокруг союзного политического центра, добилась реализации своих «ведомственных» интересов, основными из которых стали ослабление политико-административного и кадрового контроля Центра за региональными элитами и снижение тяжести санкций за нарушение формальных и неформальных норм и правил. Это предопределило расширение сфер компетенции региональной номенклатуры в регулировании политической жизни на местах и существенно повышало ее возможность в корректировке внутривластного курса центральных элит.

Таким образом, превращение региональной элиты во влиятельную группу интересов связывается с постепенным освобождением местных руководителей от жесткой опеки центральной власти и усилением их политического влияния [14, с. 75]. Появление региональных групп интересов, конкуренция и противостояние между ними стали раскалывать монолитный правящий класс, который из моноструктуры превратился в более сложное социально-политическое образование [10, с. 13]. По мнению специалистов, уже в период «оттепели» процесс оформления и артикуляции региональных интересов «зашел далеко», однако «решающий прорыв» был сделан в условиях политической стабилизации [19, с. 67, 178-179].

Во-вторых, советская правящая элита в изучаемый период не являлась однородной по своим интересам. В ее рамках отчетливо выделялись группы, влияние которых определялось не столько наличием определенных экономических и политических ресурсов, сколько ролью, которую они играли в системе властных отношений, и значимостью своих артикулированных интересов для функционирования политической системы. На региональном уровне автор выделяет те, которые в процессе перераспределения властных полномочий структурировали конфликтные разломы. К таковым следует отнести политический (партийный),

административный (советский), хозяйственный (индустриальный и аграрный) сегменты региональной элиты. Конфликт ведомственных интересов между ними при выработке социально-экономической и политической стратегии развития страны стал ключевой составляющей внутрисистемного переходного периода.

Политика широкомасштабных реформ способствовала изменению статусных позиций основных номенклатурных групп. Сведение сферы компетенции партийного аппарата почти исключительно к хозяйственным делам ставило под угрозу его функционирование именно как политической администрации [11]. Более того, приоритет решения производственных задач порождал у части хозяйственных руководителей сомнение в необходимости выполнения партийными органами своих традиционных политико-идеологических задач, что также нарушало сложившийся баланс во взаимоотношениях партийной и хозяйственной ветвей номенклатуры.

Определенное влияние на разнородность позиций политической, административной и хозяйственной ветвей региональной элиты оказывал и социальный фактор, который можно рассматривать в двух плоскостях анализа.

Во-первых, рост социальной напряженности, являвшийся потенциальным следствием активных экономических экспериментов хозяйственников, противоречил, в первую очередь, интересам именно партийной и советской ветвей элиты. Следует обратить внимание и на то, что данный конфликт объективно отражал разнородные социальные интересы больших групп населения, разделившихся по отношению к реформистскому курсу. На стороне партийного и государственного аппарата стояли более консервативно настроенные слои населения, уже привыкшие к стабильности положения и не желавшие потери гарантированного государственного обеспечения. На стороне хозяйственников, нашедших свою нишу в ходе экономических экспериментов, находилась относительно немногочисленная группа населения, которая могла получить выигрыш от использования своей квалификации, предприимчивости, опыта, выгод территориального размещения или отраслевого положения.

Во-вторых, за каждой из групп элиты был мощный административный аппарат, который оказывал давление на свои номенклатурные группы с целью обеспечения выигрышных позиций перед другими группами. Поскольку ресурсы советского общества были ограниченными, между аппаратами различных групп элиты развернулась конкурентная борьба не только за достижение более значимых властных позиций, но и за доступ к большему объему социальных ресурсов, что было невозможно без изменения сложившейся иерархии социальных статусов элитных групп.

Наконец, элита проявила себя в период внутрисистемного перехода как политическая группа со специфическими интересами, нацеленными на удержание власти и сохранение контроля над массами. Навязываемые «сверху» мероприятия по демократизации власти усиливали институциональное напряжение в элит-массовых взаимоотношениях. Опасность расширения народной инициативы «снизу» способствовала консолидации интересов региональной элиты, выступившей в качестве базового «рубежа обороны» для защиты статусных позиций и привилегированного положения всей властвующей элиты.

Региональная элита в данном процессе выступила, с одной стороны, как социальная сила, находящаяся под административным контролем со стороны союзной элиты; с другой стороны, она была той частью элиты, которая раньше осознала возможные последствия изменения общества, предпринятого реформаторской группой центрального руководства. Маневрирование между обязанностью выполнения политического курса и стремлением не допустить полного осуществления реформ в виду их явных угроз для элиты в целом предопределило поведение региональной элиты в период общественных трансформаций.

Насущными задачами для региональной элиты, не приемлющей участия масс в выработке политических решений, стала как «канализация» радикальных демократических предложений масс, требовавших последовательной реализации политической реформы, так и установление бюрократического контроля «сверху» над общественной инициативой. Региональная номенклатура по возможности пресекала обсуждение и реализацию радикальных предложений, представлявших угрозу ее властным позициям. Перед лицом же союзной власти она сознательно стремилась свести элит-массовое взаимодействие к внутриэлитному, выдавая руководителей номенклатурных групп за представителей масс. Одновременно на всех уровнях региональной власти были задействованы конкретные средства для перекрытия важнейших каналов по демократизации властных институтов советского общества и тем самым нейтрализации влияния масс на принятие политических решений.

Практика урегулирования элит-массовых противоречий во внутрисистемный переходный период показала, что региональная элита укрепляла свои статусные позиции как привилегированной социально-политической группы в рамках модели «управляемой демократии». Данная модель предусматривала, с одной стороны, существенное замедление темпов циркуляции элиты и минимизацию каналов влияния внеэлитных слоев на ее кадровый состав и, с другой стороны, встраивание общественной инициативы в структуру интересов элит и «канализацию» выдвигаемых «снизу» радикальных требований при соблюдении видимости опоры на «мнение общественности». Одновременно в арсенале властвующих групп был закреплен минимальный набор обязательств элиты перед обществом, реализация которых обеспечила необходимую поддержку новому внутрисистемному курсу руководства страны и со стороны масс.

Таким образом, формирование «новых правил игры» между ключевыми группами интересов проявилось именно во внутриэлитном конфликте 1950-х – 1960-х гг., в условиях столкновения интересов в связи с перераспределением властных ресурсов советского общества. Итоговым результатом данного многоэтапного конфликта стала не только трансформация политического режима в СССР, но и институционализация новой модификации советской политической системы – модели «партийного государства». Данная разновидность политико-властных

отношений предусматривала функционирование региональной номенклатуры в системе управления на роли «младшего союзника» Центра и инкорпорирование ее специфических интересов при реализации нового внутривнутриполитического курса высшим руководством страны. Консолидация интересов наиболее влиятельных номенклатурных групп стала фундаментальной основой в процессе функционирования новой модификации политической системы. Следует отметить и появление внутренней сплоченности как принципиально нового качества корпоративных внутривнутриноменклатурных связей в условиях политической стабилизации.

Список литературы

1. **Бадковский Д. В.** Советская политическая элита: от «организации профессиональных революционеров» к номенклатурной системе // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1995. № 11. С. 22-36.
2. **Белоногов Ю. Г.** Динамика представительства номенклатуры ЦК КПСС в региональной номенклатуре в 1953-1965 годах (на примере Молотовского (Пермского) обкома КПСС) // Вестник ПГТУ. Культура. История. Философия. Право. Пермь: Издательство ПГТУ, 2009. № 1 (20). С. 130-158.
3. **Белоногов Ю. Г.** Институт общественных начал в эволюции элит-массовых отношений в СССР в 1960-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24). Ч. 2. С. 23-30.
4. **Гордон Л., Клопов Э.** Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М.: Политиздат, 1989. 318 с.
5. **Грегори П., Белова Е., Лазарев В., Тихонов А.** Управление экономикой СССР в период становления административно-командной системы (1930-е гг.) // Проблемы теории и практики управления. 1998. № 5. С. 118-123.
6. **Жуков Ю. Н.** Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 г. // Вопросы истории. 1996. № 5. С. 39-57.
7. **Жуков Ю. Н.** Борьба за власть в руководстве СССР в 1945-1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 23-39.
8. **Ильин В. В., Панарин А. С., Ахизер А. С.** Реформы и контрреформы в России: циклы модернизации процесса. М.: МГУ, 1996. 400 с.
9. **Коновалов А. Б.** Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти: 1945-1991. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. 636 с.
10. **Лапина Н. Ю.** Региональные элиты России. М.: ИНИОН, 1997. 64 с.
11. **Левин М.** Номенклатура – Arcanum Imperii: технология управления против социологии управленцев // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современной России / под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Аспект-Пресс, 1997. С. 69-76.
12. **Лейбович О. Л.** Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь: ЗУУНЦ, 1993. 182 с.
13. **Меженин Н. М.** О противоречиях развития общества в 50-е – середине 80-х годов // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 19-22.
14. **Мохов В. П.** Региональная политическая элита России: 1945-1991 гг. Пермь: Пермское книжное издательство, 2003. 238 с.
15. **Найшуль В.** Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991. С. 31-62.
16. **Найшуль В.** Ключ к реформам находится в нерыночной сфере // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 5-14.
17. **Орачева О. И.** Эволюция советской политической системы 1953-1964 гг. в зарубежной историографии: дисс. ... к. ист. н. Пермь, 1993. 218 с.
18. **Павроз А. В.** Группы интересов и трансформация политического режима в России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. 360 с.
19. **Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семененко И. С.** Группы интересов и российское государство. М.: Эдиториал УРПС, 1999. 352 с.
20. **Пихоя Р. Г.** О внутривнутриполитической борьбе в советском руководстве: 1945-1958 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С. 3-14.
21. **Рейман М.** Послевоенное соперничество и конфликты в советском политическом руководстве // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 24-40.
22. **Титов К. В.** “Contract social” по-хрущевски: доклад «О культе личности и его последствиях» как договор верховной власти с номенклатурой // Политические исследования. 2005. № 5. С. 132-141.
23. **Яшин В.** Причины кризиса административно-командной системы и ее противоречия // Вопросы экономики. 1992. № 1. С. 145-147.

**GENESIS OF SOVIET REGIONAL ELITE AS INTEREST GROUP
IN INTRA-ELITE POLITICAL CONFLICTS DURING THE 1950S – 1960S**

Yurii Gennad'evich Belonogov, Ph. D. in Political Science
*Department of State Administration and History
Perm' National Research Polytechnic University
ugb@dom.raid.ru, ugb78@mail.ru*

The author considers the theoretical and specific-historical aspects of the genesis of territorial interest groups in soviet ruling elite against the background of intra-elite political conflicts of the 1950s - 1960s, reveals three stages in the dynamics of regional party leadership transformation into an influential interest group, determines these stages on the basis of changes in the country leadership domestic policy in relation to regional nomenclature institute, and considers the formation of territorial interest groups in the context of conflicts resolution along the lines “Center – regions”, “elite - masses”, “party, soviet branches – the economic branch of nomenclature”.

Key words and phrases: interest groups; intra-elite conflicts; regional elite; intra-system transition period; “administrative-bureaucratic market”; “party state”; nomenclature organization of power.